1
Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА
СССР
имени
В. И. ЛЕНИНА

МУРЗИЛКА

№4 ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ МЛАДШИХ КЛАССОВ АПРЕЛЬ 1953

ПАРТИЯ РОДНАЯ ДЕРЖИТ ЗНАМЯ!

Дрогнул мир,
узнав об этом
горе.
Разрыдались скорбью
провода.
Сердце,
всем народам
дорогое,
Перестало
биться
навсегда.
Долгий,
словно горькое столетье,
Начинает
путь
за часом час
Первый день
без Сталина на свете,
Первый день,
как он ушёл от нас.
Если б нам
несчастье переспорить,
В грудь
его
свои сердца вложить —
Десять тысяч лет
он мог бы
строить,
При потомках
в коммунизме
жить.
Только смерть пришла,
и что ни делай,
От неё
не отвратить лица.
И стоит
народ
осиротелый,
Словно сын,
что потерял отца.
Трудно
нам
без Сталина на свете,
Но
великий гений
не угас —
Сталин вновь
из вечного бессмертья
Учит нас
и направляет
нас.
Не качнуть грозе
кремлёвских башен,
Не размыть
скалы
волне морской:
Нерушим,
неколебим,
бесстрашен
Им
в сраженьях выкованный
строй!
Партия
родное держит
знамя,
Ей вручаем
мысли
и сердца.
Сталин умер —
Сталин
вечно с нами!
Сталин —
жизнь,
а жизни нет конца!

НИКОЛАЙ ГРИБАЧЁВ

Государственная ордена Ленина БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. ЛЕНИНА

ПЯТЬ МИНУТ

Когда Вождя соратники внесли
В гранитный Мавзолей для погребенья,
Народ во всех краях родной земли
На пять минут остановил движенье.

За пять минут
В душе у нас встают
Великие событья этой жизни.
Гудков и залпов траурный салют,
Как ураган, несётся по Отчизне...

Суда морские, поезда в пути,
Машины в поле и цеха заводов
Благоговейно говорят «Прости!»
Вождю, отцу, учителю народов.

И Армия, которую он вёл
Путём побед от Волги до Берлина,
И дети созданных его заботой школ
Слились в одном порыве воедино.

И эта перекличка всей страны —
Реки и моря, города и поля —
Нам говорит без слов, как мы сильны
Единством чувства, помыслов и воли!

С. МАРШАК

СТАЛИН С НАМИ БУДЕТ ВСЕГДА

Не поют,
не смеются дети,
Не шумят,
не глядят в окно.
Точно солнце
уже не светит —
Так на сердце у нас темно.

С нами Сталина больше нет.
В чёрном крепе его портрет.

В дверь учитель тихо вошёл,
Оглядел он
притихший класс.
Положил учебник на стол,
Но не может
начать рассказ

Вдруг на карту
он указал.
— Посмотрите! —
нам он сказал. —
Вот —
по жёлтой глади песка
Потекла голубая река.
Вот —
стена зелёных ветвей —
Усмирён людьми суховей.
Здесь —
построен новый завод,
Новый город
рядом растёт,
Новый трактор
вышел в поля,
Новый хлеб
нам родит земля.
Это Сталиным
Родине дан
Новой жизни
великий план.
И везде,
где подвиг труда,
Сталин с нами
будет всегда!

Сталин
партии дал наказ
Привести к коммунизму нас.
И учиться
вам он велел
И расти
для великих дел!

О. ВЫСОТСКАЯ

Рис. А. ЕРМОЛАЕВА

Прощание с вождём.

А. НЕКРАСОВ *Рис. А. ЕРМОЛАЕВА*

НОЧНОЙ РАЗГОВОР

У Андрейки в школе каникулы уже кончились. А у Галки в институте только начались, и она вместе с мамой поехала к тёте Шуре на дачу. Андрейка с папой остались домовничать.

Утром они вместе вышли из дому. А когда у Андрейки кончились уроки, папа зашёл за ним в школу. Они пообедали в столовой, а потом папа пошёл к себе на завод, а Андрейка отправился домой.

Никто его дома не встретил, никто не спросил об отметках, никто даже не пожурил за то, что утром он ушёл без калош.

Андрейка побродил по пустым комнатам, сделал уроки. Потом взял книжку, но читать почему-то не хотелось.

Он забрался с ногами на кресло и стал мечтать о том, как придёт папа, почитает... Но из этого ничего не вышло. Андрейка заснул в кресле и к вечеру так разоспался, что папа сонного раздел его, уложил в постель и погасил свет.

Было уже поздно, когда Андрейка проснулся. Ему и раньше случалось просыпаться по ночам, и это всегда было немножко страшно. Но стоило прислушаться к ровному маминому дыханию — страх как рукой снимало.

А тут такая непривычная тишина стояла кругом, что Андрейка перепугался. В комнате было темно. Только из-под папиной двери узкой полоской пробивался свет.

И Андрейке так захотелось туда, поближе к папе, что он скинул одеяло, босой, в одних трусиках пошёл на свет и тихонько приоткрыл дверь. Она жалобно скрипнула, но папа даже не обернулся. Он сидел, склонившись над книгой. Такие же книги в красных переплётах, раскрытые и закрытые, лежали на столе. Андрейка шагнул вперёд и сказал негромко:

— Папа, а папа!

Папа обернулся, посмотрел на Андрейку, глянул на часы.

— Это что ещё за прогулки, на ночь глядя? — строго сказал он. — А ну, сейчас же в кровать, без разговоров!

Возразить Андрейке было нечего. Но так не хотелось назад в тёмную комнату, так уютно было тут, у папы, что Андрейка зябко поёжился, сделал рот подковкой и сказал с обидой:

— Ну, папочка...

И папа вдруг смягчился.

— Ну, что случилось? — ласково спросил он. — Выкладывай.

— Ничего, — сказал Андрейка. — Ничего не случилось. Можно, я с тобой посижу? Я тихо буду сидеть. Можно, папа?

— Что ж с тобой делать! Сиди... — сказал папа.

Он принёс одеяло, укутал Андрейку и усадил на диван.

— Ладно, — сказал он, — сиди. Только, чур, уговор: не мешать. Ты уроки сделал, а я ещё не успел. Понятно?

— Понятно, — сказал Андрейка и уселся поудобнее.

А папа снова склонился над столом, и, должно быть, что-то очень интересное было у него в книге, потому что он не обернулся ни разу, ни разу не взглянул на часы, только одну за другой переворачивал странички и аккуратно приглаживал их ладонью. Так они сидели долго-долго. Наконец Андрейка не вытерпел.

— Папа, а что вам задали? — спросил он.

— Задали что? — обернулся папа. — Это тебе не понять, Андрейка.

— А интересная книжка?

— Интересная, очень! Это Ленин, сынок.

— А про что там, папа?

— Тут много написано... Про то, как жить, как строить, как побеждать...

— А ты почитай мне вслух, папа, немножечко...

— Почитал бы, — улыбнулся папа, — да ты всё равно не поймёшь: маловат ты, сынок.

— А ты немножечко, папа, самую капельку. Я пойму, вот увидишь — пойму!

— Разве что самую капельку, — согласился папа. — Ну вот, слушай: «...мы Россию всю, и промышленную и земледельческую, сделаем *электрической*». Это Ленин написал, когда тебя на свете не было, а я, как ты, был. Ну, понял?

— Понял, конечно, — сказал Андрейка. — Это чтобы электростанции строить, и в Сталинграде и везде... Это нам Ольга Петровна рассказывала, и в кино мы с Галкой смотрели...

— Ну, молодец, если понял, а теперь сиди тихонько...

— Нет, ещё немножечко, — не унимался Андрейка, — самую чуточку, про то, как строить и как побеждать.

— А об этом вот тут, — папа раскрыл другой том. — Сейчас найду... Ну вот, слушай: «Во-первых — учиться, во-вторых — учиться и в-третьих — учиться...»

— Понятно, — сказал Андрейка. — Это сперва, как я, учиться, потом — как Галка, а потом — как ты.

— Ну правильно, — улыбнулся папа. — А теперь сиди и не мешай. Мне ведь тоже учиться нужно.

— Ладно, — согласился Андрейка, — учись.

Он сидел тихо-тихо и слушал, как шелестят странички у папы под рукой. Вдруг папа встал, подошёл к шкафу и достал с полки ещё одну книгу. Андрейка не выдержал и спросил тихонько:

— А это, папа, какая книга?

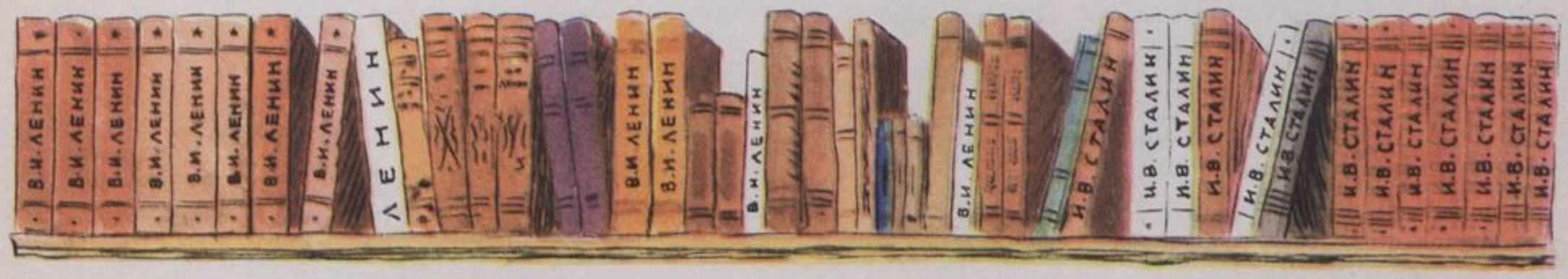
— Это Сталин, Андрюша.

— А про что там, папа?

— Тут? Тут про наш завтрашний день, про тебя, Андрейка, про то, чтобы ты вырос самым счастливым на свете. И ещё... Вот послушай и не забывай никогда: «Нет таких крепостей, которых большевики не могли бы взять». А теперь всё, — добавил папа, помолчав. — Всё. Уговор наш помнишь?

— Помню, — сказал Андрейка и замолчал.

Он молчал и думал о том, как он вырастет, как прочтёт эти мудрые книги, как научится строить и побеждать...



НИНА ЕМЕЛЬЯНОВА

Рис. В. ЩЕГЛОВА

СЛОВО ДРУГА

Каждый день маленький Минору выбегает на длинную грязную улицу встречать отца.

Толпы усталых рабочих выходят из ворот завода и двигаются мимо мальчика. Многие лица ему хорошо знакомы.

— Ждёшь? — спрашивает его худой быстрый Сато, человек с живыми, весёлыми глазами. — Идёт, идёт твой отец.

И вот, наконец, показывается знакомая высокая фигура: отец идёт, подпрыгивая на ходу; он хромает и спешит, поэтому походка у него такая неровная.

Минору подбегает и прижимается к нему: теперь у мальчика тепло и спокойно на сердце — отец с ним.

Минору живёт в большом японском городе — Токио. Огромной подковой Токио лежит на берегу моря.

Это очень красивый город. В нём много парков с замечательными деревьями — криптомериями. В парке весной пышно цветут вишни и яблони, а летом — глицинии, азалии, камелии, лилии. Осенью здесь распускаются тысячи хризантем.

На окраинах же дымят трубы огромных заводов и заволакивают узкие улицы гарью и дымом. Здесь нет никакой зелени, в жалких домиках ютятся рабочие завода. Здесь живёт и Минору.

Вечером отец с облегчением вытягивается на нарах в лачуге, где вместе с ними живут ещё четыре семьи. Сырой ветер дует с залива, по небу несутся влажные хлопья облаков. Холодно. Мальчик с сожалением смотрит на отца.

— Ничего, малыш, — говорит отец, — это всё-таки жилище. Счастье, что я работаю, а ты будешь учиться...

— Отоо-сан, а если бы нам вернуться в деревню, где мы жили так хорошо? — спрашивает Минору.

— Там уже нет нашей деревни, — говорит отец, — там американцы выстроили дома, чтобы отдыхать у моря. Подожди, мальчик, мы будем жить лучше.

Но Минору думает, что нельзя жить лучше, чем они жили.

* * *

Маленький Минору больше всего на свете любил сидеть рядом с дедом на высокой сопке и смотреть в море. Отец Минору тогда был на войне.

В яркое весеннее утро всё население маленькой японской деревушки собирается на берегу. Широкие тёмные лодки — кавасаки медленно двигаются от берега по голубой воде залива. Рыбаки сидят на корме, скрестив ноги и покуривая трубочки. Они ждут сигнала с берега.

Дедушка Кинтаро — главный наблюдатель за ходом сельди — с самого рассвета сидит на сопке и смотрит прищуренными глазами на спокойную поверхность моря. Тёмное лицо его с глубокими морщинами у глаз немного приподнято. Над верхней губой торчит несколько длинных, ещё чёрных волосков — усы.

Но вот дедушка Кинтаро медленно поднимает правую руку и козырьком ставит над глазами.

— Что там видно, одзии-сан? — спрашивает Минору.

Дедушка Кинтаро тихо кладёт ему руку на плечо — это значит: не мешай.

Красноватое пятно появляется на воде и медленно движется к берегу: это входит в бухту сельдь.

Дедушка встаёт, берёт в руки два флажка и, размахивая ими, подаёт сигнал рыбакам на лодках. Сельдь пришла! И уже старик-наблюдатель не упустит её из виду: флажки в его руках порхают, как две большие бабочки, а рыбаки следят за их движениями и обводят сетью косяк сельди.

Тут уж Минору помогает! Иногда дедушка даёт ему помахать флажком, иногда посылает вниз, на берег к рыбакам, и там Минору видит милое лицо матери. Его мать вместе с другими женщинами тащит по берегу толстый канат, брошенный с лодки, и подтягивает к берегу кавасаки.

Лодки приближаются к берегу, в длинной сети густо плещется серебряная рыба.

Минору не знает, что труд матери очень тяжёл, — он ещё совсем маленький; ему радостно видеть мать, сияющий голубой залив, смотреть на сопку, где трепещут два флажка — красный и белый.

Минору не знает и того, что за эту тяжёлую работу рыбакам достанется всего одна четверть улова, всю остальную сельдь возьмёт хозяин сетей и лодок. Но мальчик знает, что сегодня мать и дед будут спокойны: в доме есть еда.

Дедушка Кинтаро говорил:

— Посмотри, Минору-тян, нет ничего на свете красивее и лучше нашей земли.

И Минору всегда с ним соглашался.

Чёрные глазки Минору с любовью смотрели на приземистые сосны с искривлёнными стволами, на старинное здание на холме с красными лакированными колоннами под яркозелёной крышей, на бамбуковую рощу, где среди голых стволов стоят маленькие домики, а над ними светлозелёным шатром раскидывается листва бамбука. Минору был худенький, загорелый, быстрый. Его мать и дедушка

Государственная ордена Ленина БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. ЛЕНИНА

жили бедно, но мальчик не замечал бедности: ведь мать и дедушка были с ним и любили его.

— Японцы боятся только трёх бедствий: пожара, землетрясения и наводнения, — говорил дедушка Кинтаро. — Каждое из них может разрушить страну.

Ни одного из этих бедствий не случилось в детстве Минору. Даже отец его вернулся с войны. Это было большим счастьем, хотя отец был тяжело ранен и долго не мог работать: всё лежал на берегу. Понемногу он поправился.

Но однажды Минору увидел: в их деревню на красивой машине въехали американцы. Они прошли по берегу, поднялись на сопку, откуда дедушка Кинтаро смотрел на море, и приказали всем выселиться из деревни...

У отца Минору были товарищи в Токио, и он с семьёй ушёл к ним в город. Поступить на завод в городе было очень трудно. Отец и мать ходили на тяжёлую подённую работу. Семья голодала, и мальчик стал теперь совсем худой, как щепка.

Они жили в землянке, на пустыре; американцы во время войны сожгли рабочие посёлки зажигательными бомбами. Дедушка Кинтаро ходил теперь по улицам огромного города с мешком в руке — собирал гвозди, консервные банки и, продав их, приносил домой немного овощей. Он согнулся, под глазами его набухли толстые складки, он стал совсем стариком.

Но самое великое горе свалилось на плечи Минору, когда однажды, прибежав домой, он увидел, что мать лежит на циновке и глаза её открыты.

Мальчик кинулся к матери, прижался к её груди, но рука её не поднялась к его голове. Отец обнял сына, и они вместе заплакали.

Минору уже привык ходить по городу. Повсюду он встречал американских солдат: они сидели, выставив ногу перед японскими мальчиками — чистильщиками сапог; они входили в магазины, куда японцам вход воспрещался. Лучшие дома занимали американцы. Рикши-японцы везли по улицам американцев. В больших домах были даже лифты «только для иностранцев». «Американцам, — думал Минору, — наверно, везде мешают японцы». Везде он видел этих крупных людей, которые смотрели на него, как на вещь, а не как на живого мальчика.

— Вот, Минору-тян, — говорил дедушка, — американцы принесли в нашу страну все три беды сразу.

* * *

Однажды отец сказал Минору, что в день Нового года он возьмёт его с собой на улицу. Минору очень любил ходить с отцом, он бегал за ним, когда рабочие собирались большими отрядами и объявляли забастовку. И Минору знал от отца, что владельцы заводов боятся рабочих, когда они объединяются вместе. В дни забастовок отец не работал, дома не было еды. Минору худел и чернел, все его рёбрышки были видны, но он был бодр и весел: отец говорил, что рабочие, соединясь, добудут себе право быть хозяевами страны, как завоевали это право в стране Сталина. И показывал сыну газету с портретом Сталина.

Итак, в любимый японцами праздник Нового года отец с сыном пошли на самые красивые улицы города. Сегодня там было много рабочих, и полицейские, выстраиваясь на площадях и у ворот парков, не разгоняли их, потому что Новый год в Японии — особенный праздник, когда всюду звучит музыка и в воздух запускают тысячи воздушных змеев.

Отец и Минору дошли до большой толпы рабочих и остановились.

— Сталин! — услышал Минору, и другой человек, отвечая первому, тоже сказал: «Сталин!» Имя Сталина повторялось во всех концах. Кто-то сказал: «Слушайте, слушайте!» И тогда Минору узнал, что Сталин вчера прислал японскому народу послание.

Громко произнося слова, высокий человек читал:

«Прошу передать японскому народу, что я желаю ему свободы и счастья, что желаю ему полного успеха в его мужественной борьбе за независимость своей родины ».

Товарищ отца, живой и быстрый Сато, стоял, прислонив к цветущим зелёным кустам изгороди парка огромный змей, а два полицейских подходили к нему с двух

сторон. Сато мигнул Минору, а Минору дёрнул за рукав отца.

Голос читающего послание Сталина окреп и зазвучал громче:

«Народы Советского Союза... вполне понимают страдания японского народа, глубоко сочувствуют ему и верят, что он добьётся возрождения и независимости своей родины так же, как добились этого в своё время народы Советского Союза...»

Минору слушал, а сам следил, что там держит Сато. Один из полицейских резко оттолкнул Сато и рванул край его змея. За змеем открылся красиво нарисованный портрет Сталина. Минору смотрел на него, не сводя глаз.

Полицейские старались отнять у Сато портрет, а к Сато уже подбежал отец Минору. Вместе они схватили портрет и быстро передали его стоявшему с краю рабочему, тот другому, и портрет поплыл над головами рабочих, сомкнувшихся так тесно, что ни один полицейский не мог пробраться сквозь эту живую стену.

Вечером этого дня Минору долго не мог заснуть. Он думал о Сталине, сильном и добром человеке, который знает о страданиях японского народа.

Наверно, он знает и об отце Минору и о Сато, который нарисовал такой хороший его портрет. Знает и о маленьком Минору и даже о дедушке Кинтаро, старом, усталом человеке. Вот он сидит на цыновке, смотрит на Минору и говорит:

— Нет ничего дороже слова друга, оно помогает преодолеть всякую беду.

Рис. Ю. КОРОВИНА

ПО СТАЛИНСКИМ МЕСТАМ

Вся жизнь Иосифа Виссарионовича Сталина — великого вождя, любимого отца и лучшего друга трудящихся всего мира — навсегда останется в памяти народов.

Места, где жил товарищ Сталин, каждая вещь, которая хоть однажды служила ему при жизни, — драгоценная память о великом человеке.

В Гори, где родился, рос и учился Иосиф Виссарионович, советский народ бережно сохранил домик Сталина и превратил его в музей.

Есть такие домики-музеи и во многих других городах — всюду, где жил и работал товарищ Сталин, где он томился в тюрьмах и ссылках, где вёл народ в бой против врагов революции.

Со всех концов мира приезжают сюда молодые и старые люди, чтобы побольше узнать о любимом вожде, чтобы своими глазами увидеть, как жил и трудился товарищ Сталин, чтобы поучиться у него скромности и стойкости, преданности великому делу коммунизма и ненависти к врагам революции.

Есть такой музей в северном городке Сольвычегодске, где товарищ Сталин дважды отбывал царскую ссылку.

В Сольвычегодск приезжали ребята-пионеры, воспитанники детских домов города Архангельска. Они осмотрели музей, зажгли «костёр дружбы» на сталинской полянке, а потом всё, что видели, всё, что слышали, всё, о чём передумали, записали в своих дневниках.

Тут мы помещаем отрывки из их записей.

НА БЕРЕГАХ ВЫЧЕГДЫ

Наш маленький пароходик подошёл к Сольвычегодску. Мы все собрались на левом борту, да так, что пароход накренился: уж очень нам хотелось поскорее увидеть домик, в котором жил товарищ Сталин. Но с парохода мы так и не увидели его. Городок утопает в зелени, и домов почти не видно за деревьями.

Наутро проснулись пораньше, сделали зарядку и побежали к давно проснувшейся речке. Умылись, позавтракали и пошли в музей — домик, где товарищ Сталин четыре месяца жил в ссылке.

На стенах музея развешано много фотографий, документов и картин. На одной изображён товарищ Сталин. Он идёт вместе с другими заключёнными, а кругом, с винтовками на плечах, солдаты-конвоиры. Видно, что путь не лёгкий и ветер дует навстречу, но товарищ Сталин шагает, гордо подняв голову.

На другой картине — полянка на берегу реки Вычегды. Костёр, высокие сосны. Товарищ Сталин что-то говорит... А кругом у костра сидят и стоят ссыльные революционеры—слушают товарища Сталина. Это маёвка, которую проводил товарищ Сталин в 1909 году.

Ещё картина. На ней нарисовано, как товарищ Сталин идёт один по низкому берегу Вычегды. За ним река, а там, за рекой, город. Это побег товарища Сталина. Как ни стерегли его царские слуги, а он ушёл от них в Баку, куда звала его революционная работа.

Товарищ Сталин был всегда отважным, смелым, всегда готовым на подвиг борцом за коммунизм.

В музее нам показали книгу записей. Мы почитали записи, и оказалось, что в этих дорогих советским людям местах побывали пионеры Воркуты, Ярославля, Горького, Москвы и многих других городов Советского Союза.

РИММА РЕДЬКИНА,
4-я школа, г. Архангельск

ЗДЕСЬ ЖИЛ ВЕЛИКИЙ СТАЛИН

Сегодня мы были в Сталинском музее. Он помещается в двух домиках. Домики стоят через дорогу и со всех сторон окружены высокими стройными липами и лиственницами.

Домик побольше — коричневый, с мезонином. Тут товарищ Сталин жил в 1909 году, и отсюда он бежал. А в маленьком он прожил около года — с октября 1910 года до 6 июля 1911 года.

В комнате, где жил товарищ Сталин, всё сохранилось, как было при нём: бревенчатые тёмные стены, белёный потолок. Против печки узкая деревянная кровать, деревянный диван с высокой спинкой и перед ним стол, покрытый ветхой клеёнкой. Несколько стульев. В простенках между окнами кадушки с комнатными растениями.

На столе стоит керосиновая лампа. Я смотрела на неё, и мне всё представлялось, как зимней ночью, под новый 1911 год, при свете этой лампы Иосиф Виссарионович писал письмо в ЦК партии.

«Мне остаётся 6 месяцев, — написал он тогда. — По окончании срока я весь к услугам. Если нужда в работниках в самом деле острая, то я могу сняться немедленно...»

В сенях висят большие часы вроде ходиков. Тут же простой умывальник. Мы смотрели на эти вещи, и мне всё каза-

лось — вот заскрипит половица и товарищ Сталин выйдет взглянуть на часы.

Потом мы вышли во двор. Я присела на завалинку и подумала, что, наверное, и товарищ Сталин сидел тут по вечерам. Потом мы пошли смотреть колодец, из которого товарищ Сталин брал воду. Мы достали воды из колодца, и все пили эту воду.

В этот вечер я никак не могла заснуть — всё думала о том, какой замечательный, какой простой и какой великий человек наш любимый вождь товарищ Сталин.

ВАЛЯ БЫКОВА.
детский дом № 2,
г. Архангельск

«КОСТЁР ДРУЖБЫ»

Сегодня у нас был необыкновенный костёр. На широкой полянке, окружённой высокими северными соснами, густым ельником и кустами вереска, словно маки в зелёном саду, расцвели красные галстуки пионеров.

С каким огромным волнением шли мы сюда, чтобы зажечь «костёр дружбы»! Ведь подумать только: вот на этом самом месте, на этой полянке, не раз бывал товарищ Сталин. Он проводил здесь тайные собрания, и эти самые сосны слышали его слова...

Зазвенели горны. Запылал костёр. Взвилось к небу яркое пламя. А мы стояли и слушали рассказ о том, как рос и учился товарищ Сталин, как он начал борьбу с царизмом, как подружился с Лениным, и о том, как царские жандармы сослали его сюда, в Сольвычегодск.

Давно закатилось солнце; на небе зажглись яркие светлячки звёзд, красные огоньки бакенов расцветили потемневшую Вычегду... А мы всё подбрасывали в костёр вересковую хвою. Огонь бушевал и трещал, освещая сталинскую полянку.

Я поглядела на речку и вспомнила слова из северного сказа:

Ой ты, речка Вычегда...
Ты водой поила света Сталина,
Ты несла его на струях своих...

Этот сказ о том, как товарищ Сталин бежал из ссылки, мы услышали здесь, в Сольвычегодске. А потом ходили на берег, на то самое место, от которого товарищ Сталин ночью оттолкнул лодку и поплыл на ту сторону.

Костёр тем временем догорал. Наконец он погас, и тёмной ночью, под звуки барабанов и горнов, мы двинулись домой.

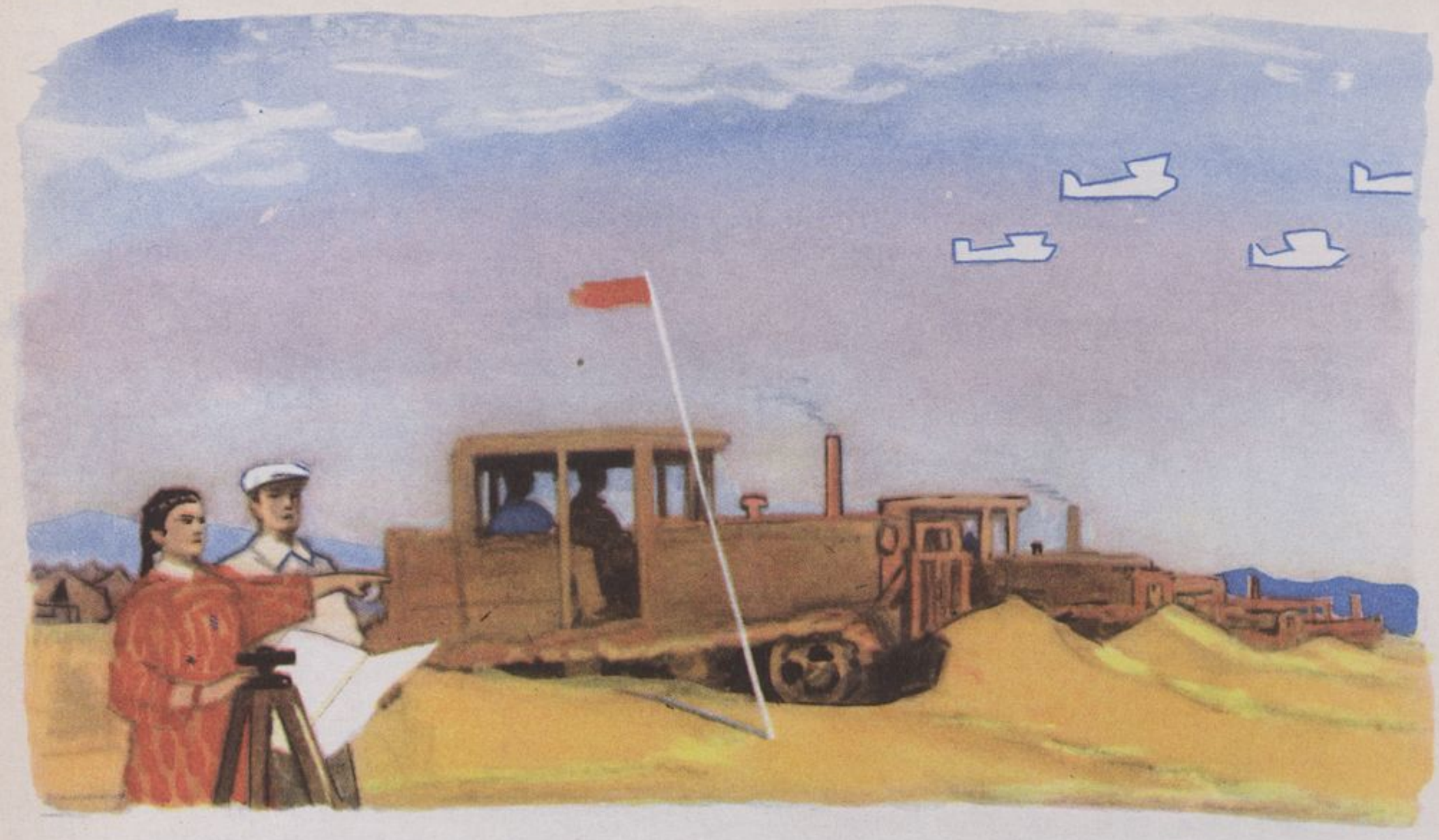
И понеслась над соснами песня: «Вперёд, заре навстречу...»

Мы и в самом деле шли заре навстречу. Северная летняя ночь коротка, и алая каёмка уже не вечерней, а утренней зари чётко обозначилась на восточном краю неба.

СИМА КУЛАКОВА,
детский дом № 1,
г. Архангельск

МАКСИМ ТАНК

Рис. Ю. КОРОВИНА



БЫЛЬ О ЗЛОМ СУХОВЕЕ

Там, где солнце припекает горячей,
Жил да был в песках сыпучих Суховей —

Сам-то старый, сухопарый да седой,
Со взлохмаченной полынной бородой.

Облысевшая, как бубен, голова,
Очи злобные глядят едва-едва.

Рядом с ним не зеленело ничего,
Птицы, звери ненавидели его.

Не любил и проклинал его весь век
По соседству с ним живущий Человек.

Только что же можно сделать было
с ним —
С этим ветром ненавистным и лихим?

Посадил себе ты кустик под окном
Иль засеял поле чёрное зерном, —

Не успеет листик робкий подрасти,
Не успеет колос бедный зацвести,

Как с корнями всё повырвет Суховей,
Всё спалит дыханьем жарким лиходей.

Где вчера посевы были — там песок,
Где вчера стада ходили — там песок,

Где синел ковыль высокий — там песок,
Где ручей журчал глубокий — там песок!

И казалось, никому уже невмочь
Одолеть его, прогнать отсюда прочь.

Но настало время! В сталинский наш век
Стал свободным и могучим Человек.

Много строит он чудесных городов,
Много роет он каналов и прудов.

В недрах много добывает он руды,
В Заполярье насаждает он сады.

Вот однажды на рассвете Суховей
Вдруг услышал гул машин и речь людей.

— Что ж, пускай себе стараются, идут,
Всё равно в песках горячих пропадут!

Успокоил этак сам себя злодей
И понёсся стороною от людей —

Завалился в самом знойном уголке,
Да и спит-храпит на выжженном песке.

День за днём проходит... Дремлет
Суховей.
Он совсем бы и не вспомнил про людей,

Если б как-то не провыл ему шакал,
Что они кончают рыть большой канал.

После вороны кричали: — Эй, не спи!
Белых чаек повстречали мы в степи!

Где недавно шла песчаная гряда,
Там течёт-переливается вода,

А по той воде качается-плывёт
Диво-дивное — могучий пароход.

И доносится всё ближе, всё ясней
Говор, песни победителей-людей.

От досады и от злости почернев,
Суховей такой почуял в сердце гнев,

Что взметнулся, взвил горячие пески
На людей, на волны синие реки,

Разогнался — и над тихою водой
Мчится, мчится, потрясая бородой.

Только что за диво? День летит, и два,
А кругом лежит без края синева.

Чует старый: надвигается беда.
Ноги вымокли, промокла борода.

А песок, который нёс, набряк водой,
Суховея тянет в воду за собой.

— Выручайте!.. — Суховей давай
кричать.
Только кто же его станет выручать?!

— Помогите! Помогите! Помоги... —
По воде пошли широкие круги.

Утонул злодей, лежит на тёмном дне...
Солнце весело сияет в вышине.

...В тех местах, друзья, недавно был и я,
Там подслушана степная быль моя.

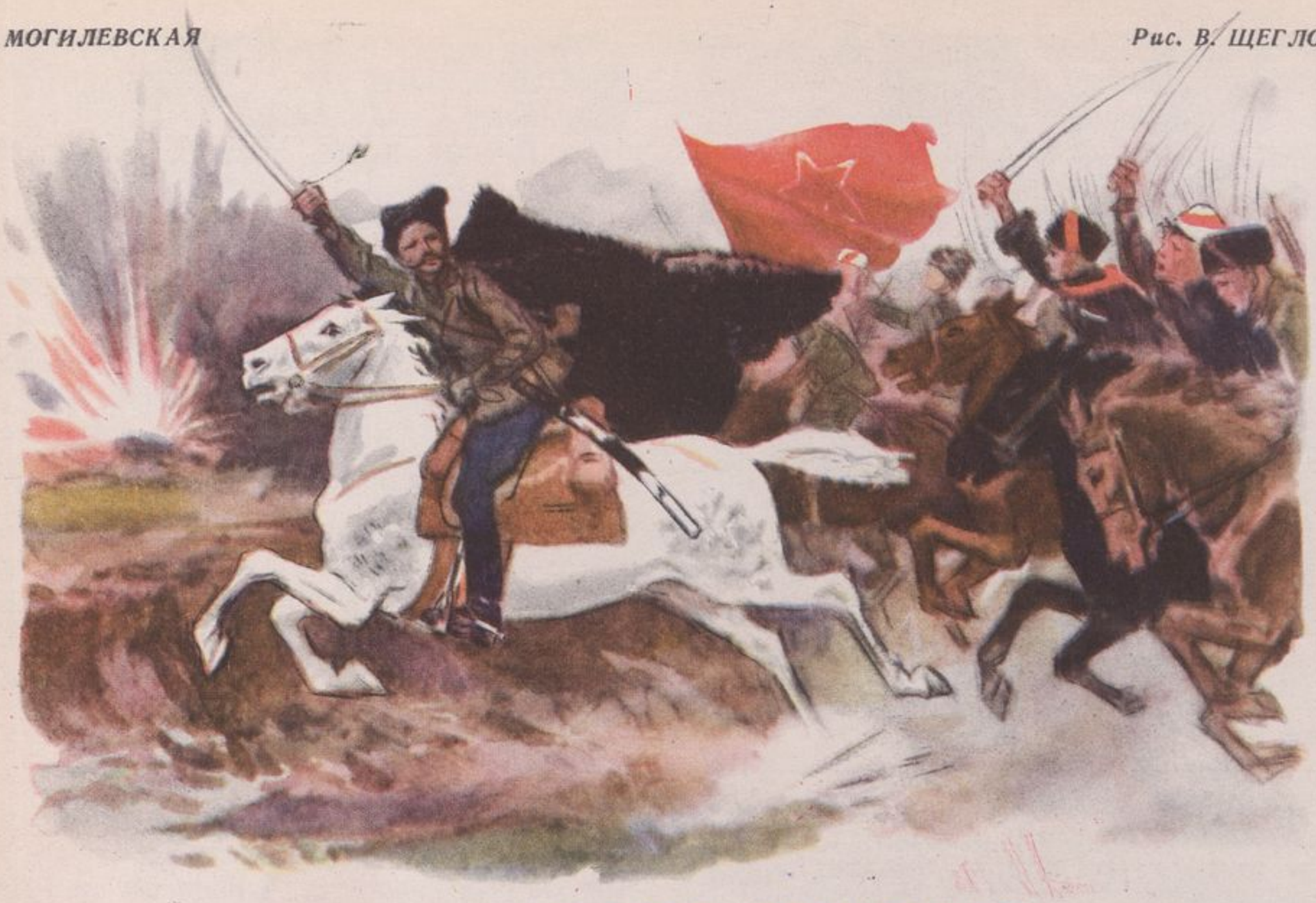
Ничего я не прибавил к ней, а взял
Да в тетрадку путевую записал

Для друзей своих любимых — для
детей —
Быль про то, как жизнь окончил Суховей.

Перевела с белорусского Елена Благинина

С. МОГИЛЕВСКАЯ

Рис. В. ЩЕГЛОВА



ПОДАРОК ЧАПАЯ

Шёл 1918 год. На нашу молодую Советскую республику напали враги. Они шли со всех сторон — и с севера, и с юга, и с востока, и с запада, стараясь прорваться к сердцу нашей родины, к Москве.

Все силы были мобилизованы, чтобы отстоять советское государство. На фронт шли рабочие и крестьяне. На фронт партия посылала лучших своих людей.

На самый трудный и решающий участок фронта, в Царицын на Волге, партия направила Иосифа Виссарионовича Сталина. Партия и товарищ Ленин знали, что отстоять Царицын сможет только товарищ Сталин, что он не даст белым войскам прорваться к Москве.

В это трудное для нашего государства время в приволжских степях, не очень далеко от Царицына, против белых сражался и Чапаев, отважный и смелый командир.

Осенью 1918 года Чапаевская дивизия одержала большую победу над белыми войсками, и Чапаев получил награду — золотые часы.

Часы были красивые, блестящие, таких у Чапаева сроду не было.

И когда Чапаев после парада поглядел на часы в темноте, оказалось, что они светились.

— Ловко! — довольный наградой, сказал Чапаев.

А Петя Исаев, его ординарец, тот от восхищения даже языком защёлкал.

— Теперь, Василь Иваныч, будешь ночью время глядеть, не особо руку выставляй... Заметят беляки твои часы, как по ним бабахнут!

Чапаев очень гордился светящимися часами: с кем ни увидится, непременно покажет. И слава о чапаевских часах пошла по всей дивизии.

— Немного на свете таких часов имеется, — говорили красноармейцы.

— Немного?! Одни и есть в целом свете! Вот наш Чапай и получил их...

— Это Чапаеву из Москвы, наверно,

сам товарищ Ленин прислал за его подвиги и геройство!

— А то кто же! Конечно, товарищ Ленин прислал. Ему из Москвы видно, какого командира отметить нужно...

Только недолго были эти часы у Чапаева. Скоро он с ними расстался. И вот как это произошло.

Однажды Чапаев ехал из одного полка в другой. И вдруг видит — навстречу идёт красноармеец. Голова перебинтована. Идёт и хромает.

Поровнялся с ним Чапаев, попридержал коня. Красноармеец тоже остановился.

— Куда идёшь? — спросил Чапаев.

Красноармеец поглядел на Чапаева и ответил:

— Обратно в часть иду.

Удивился Чапаев:

— А перевязанный что? Хромаешь чего?

— Раненный, вот и хромаю, — ответил красноармеец. Видно, не признал боец Чапаева, потому нехотя и отвечал.

Не отстаёт от бойца Чапаев, снова спрашивает:

— Почему не лечишься, коли раненный? Лечиться надо...

— Некогда, некогда, товарищ, лечиться: воевать надо...

Тогда снял Чапаев с руки свои любимые светящиеся часы и протянул забинтованному красноармейцу:

— Возьми, друг! Носи и помни Чапаева.

Тут только красноармеец и узнал, с кем говорит.

— Товарищ Чапаев! Никак это вы?

— Разве не признал?

Сначала красноармеец ни за что не хотел брать часы, а потом Чапаев его уговорил и на руку надел.

Попрощались они, и каждый отправился своей дорогой.

— Вот потому мы и бьём белых, потому и колотим, что в Красной Армии такие бойцы, — сказал Чапаев, оборачиваясь, чтобы ещё раз взглянуть на маленького хромого солдата с забинтованной головой.

РАССКАЗЫ АНТОНИО ГРАМШИ

Сейчас вы прочитаете очень интересные и не совсем обыкновенные рассказы. Написал их замечательный человек, отважный борец за счастье трудящегося народа, товарищ Антонио Грамши.

А написаны эти рассказы в тюрьме...

Далеко от нас, на синем тёплом море, которое называется Средиземным, есть остров Сардиния. Он принадлежит стране Италии. Там, на этом острове, и жил в детстве Антонио Грамши. Ещё мальчиком мечтал Антонио о том, чтобы народ отвоевал себе радость свободной жизни, о которой пелось в хороших итальянских песнях.

Грамши исполнилось двадцать лет, когда он переехал с острова в итальянский город Турин. Вскоре, осенью 1917 года, до него донеслась радостная весть: народы России под руководством партии коммунистов-большевиков отняли власть у помещиков и фабрикантов и сами стали хозяевами своей великой земли. Ленин и Сталин привели народ к победе. Грамши стал учить итальянских рабочих, что надо «сделать, как в России». И вместе с товарищем Тольятти Антонио Грамши в 1921 году организовал в Италии коммунистическую партию.

В 1922 году власть в Италии захватили фашисты. Больше всего на свете фашисты боялись коммунистов, потому что знали, что за них народ. Коммунистов стали бросать в тюрьмы. Был схвачен и Антонио Грамши. Фашисты решили тайком умертвить Антонио Грамши. В тюрьме ему не давали спать по девять суток подряд. Ему нарочно давали такую пищу, которую больному нельзя было есть. Но он не сдавался. И в тюрьме, слабея с каждым днём, он продолжал бороться за дело народа. Он писал письма товарищам-коммунистам, оставшимся на воле, учил их, как надо действовать.

«Только тот, кто даже в самые тяжёлые моменты сохраняет сердце твёрдым и волю отточенной, как меч, может считаться борцом рабочего класса, может быть назван революционером».

Слова эти хорошо помнят итальянские коммунисты. Сегодня они во главе с товарищем Пальмиро Тольятти храбро борются за мир, за свободу итальянского народа, против американских богачей, которые стараются захватить Италию.

Почти девять лет провёл в душной, тесной и тёмной тюрьме Антонио Грамши. Он тяжело болел. Его не лечили.

И в 1937 году, шестнадцать лет назад, Грамши умер. Мужественные письма из тюрьмы хорошо известны сейчас всем, кто борется за свободу итальянского народа, за мирную жизнь его. Среди этих писем есть и ласковые, мудрые письма сыновьям — старшему Делио и маленькому Джулиано. Грамши заботливо следил из своей тюрьмы, как учатся и растут его дети.

И часто в темноте узкой тюремной камеры Антонио Грамши, чтобы развеселить и порадовать чем-нибудь своих ребят, соскучившихся по отцу, писал им разные забавные и поучительные истории о людях, о природе, о животных.

АНТОНИО ГРАМШИ

Рис. В. ЩЕГЛОВА

КАК ЧЕЛОВЕК ИЗМЕНИЛ ПРИРОДУ

Вот сказка, которую я слышал у себя на родине.

В комнате спал малыш. Рядом с ним стоял кувшинчик с молоком. Пока ребёнок спал, прибежала мышка и выпила всё молоко. Проснулся малыш, не нашёл молока и заплакал. Стыдно стало мышке, что малыш из-за неё без молока остался, и побежала она к козочке.

— Коза, а коза, дай молочка — малыша напоить!

— Принеси мне свежей травки, тогда дам малышу молока, — ответила коза.

Побежала мышка за травой. Видит: вся трава в поле высохла, потому что родник перестал поить её водой. Мышка к роднику за водой поспешила. Смотрит, а родник-то иссяк: разрушили его во время войны. И просит родник мышку прислать ему мастера-каменщика. Каменщик потребовал для работы камни. Мышка к горе побежала:

— Гора, дай мне камни!

— Ох, мышка, мышка, не до камней мне! — отвечала гора. — Жестокие торговцы лесом вырубили деревья, которые росли на моих склонах, осыпалась с них вся

земля, и вот стою я в трещинах от ветра, дождей и палящих лучей солнца!

Пожалела мышка гору, рассказала ей, зачем нужны камни, и обещала, что когда малыш вырастет, то засадит он гору соснами, дубами и каштанами. Дала тогда гора камни. Каменщик построил колодец. Родник напоил землю. Выросла на поле трава, и козочка дала малышу молока.

Малыш быстро вырос и стал большим и сильным мужчиной. Он засыпал голые склоны гор плодородной землёй и насадил разные деревья. Гора ожила: зазеленели на ней деревья, поселились всякие зверюшки, зазвенели весёлые птичьи голоса. Густая листва деревьев защищала гору от солнца, а их стройные стволы охраняли её от ветра. Во время дождя деревья сдерживали бурные потоки воды, не позволяли им опустошать равнину около горы.

Так человек изменил природу.

ЕЖОВОЕ ДЕРЕВО

Раз я видел, как ежи собирали яблоки. В один из осенних вечеров, когда луна светила особенно ярко, мы с моим другом отправились в поле, где росло много яблоневых деревьев. Мы спрятались в кустарнике, против ветра. И вот вдруг видим: на полянку выходят пять ежей — два побольше и три маленьких. Они гуськом направились к яблоням, побегали в траве, а затем принялись за работу. Помогая себе мордочками и лапками, они катили яблоки, упавшие с деревьев, и складывали их кучками. Потом самый большой ёж поднял мордочку кверху, огляделся и направился к согнувшемуся под тяжестью яблок невысокому деревцу. Вместе с ежихой они забрались на самый нижний сук, прочно уселись на тяжёлой ветке и принялись её раскачивать. На землю посыпались яблоки. Тут все ежи — большие и маленькие— свернулись шариками и стали кататься на яблоках, стараясь проткнуть их своими колючками. Не всем маленьким ёжикам удалось это сделать, но ежи отец и мать нанизали на себя по нескольку яблок.

Когда ежи возвращались в свою норку, мы вышли из нашей засады, забрали ежей вместе с яблоками в корзинку и унесли домой.

Я взял себе ежа и двух ежат. Они жили у меня во дворе. Ловили червяков, тараканов и майских жуков. Ели они фрукты и листочки салата. Мало-помалу ежи стали привыкать ко мне и уже не свёртывались в шарики, когда я подходил к ним. Очень ежи боялись собак.

Эти ёжики жили у меня недолго: наверно, их украла лиса, которая обычно охотится за ежами.

Перевёл с итальянского Н. Таманцев

АЛЕКСЕЙ ВАЛЬДЮ *Рис. В. ЩЕГЛОВА*

МЫРГЫ

Расскажу вам о трёхглавом дябде. Сейчас-то я знаю: никаких чудовищ нет, но в наших сказках всегда их много было. Говорят, это было в одном стойбище. В том стойбище нани жили. Много ли, мало жили — пришла к ним беда. Появился трёхглавый дябда: глаза его, как угли, горят, изо ртов огненные искры сыплются. Летает тот дябда с горы на гору — страшные громы гремят.

Людям выйти нельзя — дябда унесёт; поехать на рыбалку нельзя — дябда убьёт; пойти на охоту нельзя — дябда задавит.

Совсем жить плохо стало. Думали, думали люди — ничего не могут придумать. Стрелами били в трёхглавого дябду — стрелы отлетают, копьями метали — копья ломаются.

Несчастье нависло над нанинским родом.

Жил в том стойбище парень. Мыргы его имя было. Стариков уважал, ребят не обижал, песни пел — людей тешил. На охоту пойдёт — больше всех зверя убьёт, на рыбалку поедет — больше всех рыбы поймает. Любил людей Мыргы. Сердце разрывалось у Мыргы, когда видел он, как матери и жёны плачут, как у мужчин от горя волосы седеют.

Сказал Мыргы отцу, матери:

— Не могу, ама! Не могу, эне! Сердце разрывается от горя. Лучше умереть, чем так жить. Пойду против трёхглавого дябды.

Отец Мыргы, старый Мурун, и мать Мыргы, седая На, сына сильно любили, но сказали старики:

— Иди, сын!

Стал Мыргы собираться на битву. Старый Мурун дедовский лауча[1] дал ему в руки, чтобы смело сражался в бою. Старая На седую прядь волос зашила в мешочек, повесила сыну на шею, чтобы был бесстрашным в бою. Люди стойбища

---

[1] Лауча — оружие вроде клинка.

принесли по горсти земли, зашили в мешочек, повесили ему за пояс, чтобы помнил свою землю в бою.

Обвязал себя Мыргы в девять слоёв старой сетью, взял дедовский лауча и поехал на маленькой берестяной оморочке.

Едет, едет — слышит: плачет ветер старой женщиной.

Едет, едет — видит: деревья, как старики, качают головами.

Звери попрятались, птицы не поют.

Много ли, мало ехал — доехал до синего озера. Знал Мыргы: на берегу озера огромное дерево стоит. На том дереве жил трёхглавый дябда.

Подъехал Мыргы к берегу, не вылезает из оморочки. Увидел его дябда, огненные глаза вытаращил:

— Зачем ты приехал, человечий сын? Что тебе надо?

Застучало у Мыргы сердце, клок волос старой матери зашелестел на груди, родная земля затрепетала на поясе. Мыргы говорит:

— К тебе приехал я, проклятый дябда, нашей земли мучитель, с тобою биться!

Полетели из глаз трёхглавого дябды молнии, громы загремели из горла. Налетел трёхглавый дябда на Мыргы, ударил его в грудь — не пробил девять слоёв старой сети. Только на четверть озера оморочку с Мыргы отбросил. Размахнулся Мыргы дедовским лауча — одну голову отсек.

Загремел дябда и в другой раз кинулся на Мыргы. Три слоя старой сети пробил дябда, на середину озера оморочку с Мыргы отбросил. Размахнулся Мыргы дедовским лауча — вторую голову отсек. Загрохотал дябда и в третий раз кинулся на Мыргы. Изловчился Мыргы — последнюю голову отсек. Подхватило синее озеро голову и тушу дябды, унесло синее озеро проклятого дябду на глубокое дно.

Едет, едет Мыргы домой, слышит: поёт ветер молодой девушкой. Едет, едет Мыргы домой, видит: молодыми парнями раскачиваются деревья. Едет, едет Мыргы домой, видит: звери из нор вышли, кувыркаются, радуются его победе. Едет, едет Мыргы домой, видит: птички с дерева на дерево перелетают, песни распевают, его восхваляют.

Не грешно героев восхвалять!

На обложке — рисунок А. Ермолаева

Редколлегия: З. АЛЕКСАНДРОВА, А. БАРТО, Л. ВИНОГРАДСКАЯ (редактор), Л. ВОРОНКОВА, А. ЕРМОЛАЕВ, Н. ЕМЕЛЬЯНОВА, В. ЛЕБЕДЕВ, С. МАРШАК, Е. МАРТЬЯНОВА, Л. ПАНТЕЛЕЕВ

Художественный редактор О. Кажкин *Рукописи не возвращаются* *Технический редактор Л. Волкова*

Год издания двадцать девятый **Цена 1 руб.** Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Сущёвская ул., 21. Тел. Д 1-15-00, доб. 1-06. А00978 Подп. к печ. 26/III 1953 г.
2,8 уч.-изд. л. Бумага 60×92¹/₈=1,5 бум. л.=3 печ. л. Тираж 325 000 экз. Заказ 323

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия». Москва, Сущёвская, 21.

4487 –